

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ

БОГ НЕ ФРАЕР

Повесть

Нечаянный улов

Она стояла у окна, двойные вставленные на зиму рамы, а меж ними — сугробы ваты с искрами мелко нарезанной фольги — уменьшенная копия мерцающего снежного сугроба за окном. Она откинула шторку.

Ну, слава богу! Михаил Кондратич, сосед их, уже сходил по воду. Он нес в растопыренных руках полные ведра, искусно ступая, обходя снежные наметы, чтобы вода не расплескивалась. Значит, прорубь расчищена. Никому неохота утром по холоду первому идти на реку, ломом пробивать прорубь, чистить наледь и снег, а вода нужна всем. Вот и выжидает улица, поглядывает из окошек — кто первый? Расчистил Кондратич прорубь, теперь потянется весь околоток по воду, кто с ведрами, а кто с флягами на санках. Надо спешить.

— Вставай, Василек, по воду пойдём!

Она прошла в маленькую горницу к длинному сундуку, застеленному как кровать, — там спал пятилетний ее сын Васятка, укрывшись с головой в одеяло. Она приподняла одеяло, мирное, уютное. Васятка положил левую руку под голову, в полутьме избы ярко белело оголенное плечо, и ладошка с растопыренными пальцами была похожа на раскрытое крыло маленького голубка.

— Вставай, голубок!

Она сдернула с Васятки одеяло, пощекотала его, похлопала по щекам и, вытянув из постели, поставила на ноги. Привычный к такой побудке Васятка прошлепал на кухню, которая переходила в прихожую. Здесь было теплее, топилась русская печь, ровно и чисто побеленная, лишь на белом челе ее расплывчатыми пятнами чернела сажа.

Быстро собрав Васятку, оделась сама, и они вышли из дома. Просветленные утренние звезды и высокие снега освещали тропу, ведущую вниз, к реке, на ней лежали неглубокие свежие следы пимов, похожие на огромные белые фасолины с точечками и черточками — узелками дратвы и прошвами, которой были подшиты подошвы. Она шла первой, Васятка в большой овчинной шапке, большущих валенках, как охотник на лыжах, скользил по тропе, догонял ее. На плече у него палка наперевес, а на ней небольшое самодельное ведерко из жестяной банки с плетеной из проволоки ручкой. Ее пустые ведра качались на крючках коромысла, изредка тревожно позвякивая. Вот и берег, заснеженный, слившийся со всем снежно-ледяным покровом реки. Кулунда пока-

---

Нина Орлова-Маркграф родилась на Алтае, в селе Андроново. Окончила Камышинское медицинском училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Печаталась в журналах «Москва», «Юность», «Вышгород», «Симбирск», «Алтай». Лауреат Международного конкурса им. Сергея Михалкова за сборник рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Живет в городе Железнодорожный Московской области.

залась ей сегодня беззащитной, отчаянно и беззвучно кричащей. Река лежала, словно опрокинутая на спину, страшась жестокострастной силы мороза.

Через низкий лаз они вошли в построенный из снега обледенелый сруб, который окружал прорубь, защищая ее от заносов, в углу здесь всегда стояли лопата и лом. Набрала воды Васятке, а потом, взяв одно из ведер, плюхнула его набок, утопила поглубже и, плеща избытком воды, вытащила, отставила в сторону. Темная, в мелких ледышках вода странно колыхнулась. Она живо присела над ведром и крикнула:

— Глянь, Василек! Золотая рыбка!

Васятка подошел, наклонился над ведром. Сначала он увидел неподвижный лаково-черный глаз, окруженный оранжевым ободком, а потом и всю ее, укрытое мелкой золотистой черепицей туловище, красные плавники и твердый веер хвоста. Мать наклонила ведро, вода выплеснулась, и рыбка затрепыхалась на мокром снегу. Живо сбросив рукавички, смеясь, она уловила ее, скользкую, холодную, и, с трудом удерживая, сказала:

— Ну, Васятка, проси у рыбки, чего хочешь, да скорей отпустим в воду! Помнишь, как мы в сказке читали?

Васятка поднялся на цыпочки, чтобы к золотой рыбке быть поближе, и умоляюще сказал:

— Рыбка, сделай так, чтобы у меня, как у Сашки и Толика, был папка!

Сашка и Толик, сыновья их соседа, тракториста Михаила Зайцева, при каждой ссоре дразнили Васятку безотцовщиной и мстительно кричали: «А нас папка на тракторе прокатит, а тебя не возьмет!»

— У тебя есть папка, Василек. Просто попросим, чтобы он нас поскорее нашел.

Она присела над лункой и, опуская рыбку в воду, проговорила:

— Смилуйся, государыня рыбка! Верни нашего папку! — Васятка глянул на колыхнущуюся воду: рыбка согласно, махнула хвостом, и скрылась под лед.

— Мамка, она нам хвостом кивнула! Видела?

— Значит, исполнит, сынок.

Придя домой, она хотела скорее управиться с домашними делами, но ни за что толком не могла взяться. Накормив Васятку молочным супом, села на лавку. Зачем я выдумала про золотую рыбку? Он ведь всему верит. Как мне исполнить теперь твое желание, сынок? Она взглянула на Васятку. Он безмятежно играл с бумажным человечком, которого смастерил ему дед Алекс, дергал за ниточки, и человечек то падал, то поднимался. Вот и ей надо подняться. Она заставила себя встать — пора на работу. Васятку обещала взять с собой. Что за жизнь ей выпала? Как с шестнадцати лет началась мука, так и нет ей конца.

Трудовая армия

В сентябре 1943 года Альбину Роот отпустили из трудовой армии по причине беременности.

В апреле 1942 года всю ее семью, родителей с тремя дочерьми и грудным младенцем, выселили из Немецкой Республики Поволжья в Сибирь. Они попали в одну из деревень лесостепного Алтая. Через полгода Альбине исполнилось шестнадцать лет. В это время в трудовую армию стали забирать не только переселенцев-мужчин, но и женщин, как раз с шестнадцати лет. Отец Альбины, Алекс Роот, счастливо потерявший ногу еще до депортации, работал в колхозе, отмечался в спецкомендатуре, у матери был восьмимесячный ребенок, и ее по закону о призыве в трудовую армию не могли призвать. Альбину же призвали.

Когда ее и еще нескольких переселенцев — трех сорокалетних мужчин и тридцатилетнюю женщину, Фриду Кляйн — забирали из деревни, семьи их, в основном женщины и дети, шли за ними до центра деревни, где их ждала подвода с возницей и конвойным. Мать Альбины, Эмилия, так кричала и убивалась, словно дочь была уже в гробу, вопили все женщины, трое детей Фриды — четырех, шести и восьми лет — рыдали, вцепившись в нее. Смертный вой стоял над деревенской площадью.

Подвода, на которую их усадили, тронулась. Миля вцепилась в борт телеги, возница в сердцах хлестнул ей бичом по пальцам, и она, разжав их, упала без сознания. Альбина запомнила устремленное к ней, словно от выстрела, падающее тело матери, ее смертельную бледность и разъятый в страшном крике рот.

— Их комм балдь цурюк! Я скоро вернусь! — крикнула она и рванулась с подводы, но руки конвойного вцепились в нее и не пустили.

Колонна женщин-трудоармеек, в которую попала Альбина, прибыла на место, в Пермский край, к середине октября. Их поселили в большие брезентовые палатки, верхи которых были укрыты пихтовыми и еловыми ветками, уже присыпанными снегом. По мере того как освобождались места в бараках — каждое утро из них выносили по несколько умерших женщин, — трудоармеек из палаток переводили туда. Однажды в декабре перешла в барак и Альбина. Там оказалось так же скученно, холодно и сыро. Зимней ночью через дыру в крыше ветер низвергался сверху по прямой на нары, в щели просеивался снег, он таял, капал с потолка, стекал струями по стенам и шипел, попадая на железную печку, которую женщины по очереди топили всю ночь.

Она спала на нарах без матраца и одеяла, укрывшись большой шерстяной шалью — единственное, что смогла ей дать мать из теплых вещей. Через какое-то время шаль исчезла, и теперь она ложилась, не снимая ватника. Она почти ничего не замечала из того, что происходило вокруг. Заменяв распавшиеся ботинки на чуни, изготовленные из кусков резины от тракторных покрышек, она выходила на работу в тайгу, на заготовку леса. На сорокаградусном морозе пилила с напарницей деревья, стволы звонко трещали подмороженной корой, хлюпали распиленной оболонью и выли, когда пила доходила до сердцевины. Лес и сам был здесь зоной, заключал в себя человека, окружал стволами деревьев, колючей проволокой ветвей, лишая пространства, лишь вверху над ней синел глубиной холодный небесный колодец. Она ощущала мороз как невидимое, но живое существо, сначала он прикасался холодными клещами, пощипывал, покалывал, потом начинал трощить кости, ломать тело, но потом наступало избавление: она застывала так, что переставала чувствовать холод.

Еще со школы Альбина неплохо знала русский язык, здесь было с кем разговаривать и на родном, но ей не требовался никакой, она жила молча. Она одинаково равнодушно проглатывала хвою и дрожжи, которые им выдавали как обязательный продукт против цинги, хотя помогал он мало, и кусочек хлеба или тарелку лагерного супа, если они были. Как-то вечером после трудового дня — весь день женская колонна работала на расчистке снега — им вместо хлеба выдали просто тесто, потому что в пекарне сломалась печь. Многие стали печь его на костре, а Альбина равнодушно проглотила сырую пайку и пошла в барак. Она была сосредоточена на одном: выполнить обещание, данное матери, вернуться домой.

Альбина решила забеременеть, потому что беременных женщин на последних месяцах отпускали из трудоармии. Охотников на ее молодость и красоту было много. Но стоило ей только взглянуть на любого из них, как она начинала по-детски страшно бояться, ей всерьез казалось, что она тут же умрет. Она умрет, и ее вынесут из барака, и как же она вернется к матери?

Однажды Альбина встретила Василя. Он шел по барачному дощатому поселку, по их улице, прямо навстречу ей, спешащей на построение. Она зачем-то подняла глаза

и словно впервые увидела его. Василь был из русских заключенных, сын врага народа, расстрелянного несколько лет назад за участие в заговоре. Заключенные звали этого невысокого с твердым спокойным лицом паренька «студент». Его, знавшего немецкий язык, вызывали из лагеря в поселок спецпереселенцев, когда нужен был переводчик. В остальное время Василь трудился вместе с другими лагерниками на лесоповале. Лагерь Василя был неподалеку, заключенные часто работали на соседних от трудармейцев участках, порою вплотную к ним.

Она выбрала его, истолковывая свой выбор опять же по-детски. Ей казалось, что забеременеть от Василя — это было совсем другое, это как если бы забеременеть от ясного месяца, свет которого выведет ее на спасительную дорогу.

И Василь выбрал ее, эту юную девушку с необыкновенно красивым лицом. Оно казалось ему совершенным. Отрешенное, четко очерченное, бесстрастное, но вместе с тем осязанное изнутри и прекрасное.

Но не одна лишь красота изумляла его. Наблюдая за Алей, он больше всего удивлялся недосыгаемости, неподвластности над ней внешних условий. Быть может, потому на лице ее не было печати измученности, безнадежности, озлобленности, какую видел он почти на всех лицах. Она переносила и переживала ужас и страдание, не внимая им. Лишь худоба и плохая одежда, практически рубище, говорили о лишениях.

У Василя была своя цель, очень странная и даже неестественная в условиях лагеря, где каждый был за себя, каждый искал, как лично ему выжить. Желание сберечь эту девушку — изощренной хитростью или безрассудной смелостью — неважно — стало, пожалуй, единственным, что привязывало его к жизни. Он добывал ей теплую одежду, приносил хлеб, говоря, что заработал его. Однажды она случайно узнала: чтобы заглушить голод, Василь выпил машинное масло, и поняла, что он отдавал ей свою, а не заработанную добавочно пайку хлеба. На следующий день, когда Василь подошел к ней, она быстро наклонилась и поцеловала его руку.

Василь испугался, когда его в начале зимы вдруг перевели на другие работы, за пределы лагеря, отправили охранять станцию, где велась погрузка леса. Но быстро поняв, что тут у него будет больше возможностей помочь Але, стал спокоен и сосредоточен. На станции грузили не только лес, но и вагоны с другими товарами, особенно часто с солью, которую добывали под Соликамском. Соли в стране было так мало, что она ценилась больше, чем любые продукты. Василь бесстрашно проникал в вагон, набирал тяжелую, хрустящую матовыми кристалликами соль за пазуху, украдкой ходил в деревню и выменивал там на еду и теплые вещи. Альбина не знала, кого и чем он смог подкупить, что он придумал, но через месяц и ее перевели на станцию — мыть станционный дом, чистить снег на всей территории, возить, впрягаясь в санки, воду из родника.

Лишь раз они были вместе. Она помнила, как Василь касался ее, помнила что-то необъяснимое, несказанное, бестелесное и вместе с тем явственное, осязаемое, нежное, так, быть может, воспринимает только что пришедший в мир младенец любовь матери. А что касается остального — она даже толком не помнила, как и что произошло.

Лишь через пару месяцев Альбина поняла, что забеременела.

Ее отпустили на восьмом месяце. Было начало сентября, прохладного, но ясного, без дождей. Василь спросил название станции и деревни, где жила ее семья. Она соврала, назвала не ту станцию и не ту деревню. Оживленный, улыбающийся, он прощался с ней.

— Наконец ты покинешь этот ад. Я так хочу этого! — Он положил ей руки на плечи, счастливые руки.

— Теперь у тебя все будет хорошо. Слышишь?

— У нас говорят: «Der Mensch denkt, Gott lenkt»¹. — ответила она.

¹ Человек предполагает, а Бог располагает (нем.).

Василь засмеялся.

— А мы, эки, говорим: «Бог не фраер». И это точно.

Она доехала на товарняке до Соликамска, потом несколько станций на крыше теплушки, от Омска ее взяли в вагон, и она, боясь потерять место, ни разу не встала с него до самой пересадки.

На пятый день она добралась до станции Корчино, она запомнила это название. Сюда, до этой станции, их, переселенцев, везли от Саратова в «телячьих» вагонах. В Корчине попался ей человек, ехавший на подводе до Тюменцева, она расплатилась с ним мизерным мешочком с солью. Соль не один раз выручила ее. Можно сказать, соль довезла ее. Соль спасла. Семь мизерных мешочков наготовили они с Василем, Альбина спрятала их на груди и в карманах, нашитых на широкую кофту с изнанки.

От Тюменцева до деревни она шла пешком. Вечер, дожидаясь темноты, пересидела в копне соломы, а как стемнело, вошла в деревню, постучала в окошко ветхого амбара, который приспособили под жильё ее родители.

Алекс Роот открыл дочери дверь, и она вошла, как в рай, в этот амбар, где был теперь ее дом, ее мир, ее семья. Эмилия кинулась к дочери. Альбине бросились в глаза волосы матери: сухие, бесцветные, редкие, как отмирающая осенняя трава.

— Их бин цурюк, мама... Я вернулась, — тихо сказала она, боясь разбудить сестренку и маленького братца (она не знала, что малыш Кристиан зимой умер). Не выдержав, мать вскрикнула, заплакала громко, проснувшиеся сестры соскочили с полатей и приникли к ней.

Утром у Альбины начались роды. Она лежала на сколоченной из жердей кровати за занавеской, которая отделяла ее от остального пространства амбара. Альбина помнила эту ткань, мать привезла ее еще из дома, и теперь она неотрывно глядела на нее, словно держала этот темно-зеленый сатин у сердца, как держат мешочек родной земли на чужбине. Сестер отец отправил на огороды собирать картофельные обрезки, и только мать оставалась около нее. Роды были быстрыми. Молча, ни разу не вскрикнув, она родила мальчика. Тут подросла лекарка Аграфена Ивановна, отец сбегал за ней. Аграфена Ивановна в Первую мировую войну служила медсестрой в медсанбате. Всем видом: подтянутой фигурой, одеждой, тщательно выглаженной, защитного цвета юбкой прямого покроя и пиджаком в талию, с медицинским чемоданчиком в руке — она походила на военного врача. В эту деревню она пришла в тридцатые годы и с тех пор охотно лечила всех, кто обращался к ней за помощью. Она поставила чемоданчик на маленькую лавочку, стоявшую около кровати, мельком взглянула на роженицу, бледную и равнодушную, наклонилась, чуть приоткрыла одеяло.

— Вот ты где! — обратилась она к младенцу. — Отделяться тебе пора, милоч, срочно причем!

Она вынула из чемоданчика большие с заостренными концами ножницы, протерла их какой-то, должно быть, дезинфицирующей жидкостью. Наметившись, быстро отрезала пуповину, ловко завязала чуть кровящий ее остаток, густо обработала йодистой желтой, похожей на сок чистотела жидкостью.

— Ну вот! Теперь ты отдельная для жизни личность! — сказала она, подхватив одной рукой мизерное худенькое тельце новорожденного, а другой шлепнула его по коричневатой, похожей на печеное яблочко попе. Младенец нежно и слабо пискнул.

— Миля, клади пеленку!

Эмилия, стоявшая рядом наготове, испуганно положила на край кровати пеленку — старую ситцевую тряпицу, подрубленную по краям со всей аккуратностью.

Аграфена Ивановна уложила новорожденного, внимательно оглядела и, энергично пеленая, сказала:

— Весом мальчишечка маловат и с признаками недоношенности. Роженице питаться надо хорошо, чтоб грудное молоко было.

— Корова нет, — робея перед Аграфеной Ивановной, виновато ответила Эмилия, не совсем грамотно говорившая по-русски. — Мильх² нет.

— Мильх будете у меня брать по кружке. И картохи у меня немножко возьмете, вижу, что девчонки твои по огородам обрезки собирают.

— Мы не посадить весной. Семена нет.

— А мальчонка хороший, — улыбнулась Аграфена Ивановна, — берегите его.

Взяла чемоданчик и направилась к двери. Она ничем не выказала своего удивления по поводу того, что Альбина вернулась беременной, не задала ни одного вопроса. Кивнула и вышла из дома-амбара семьи Роот.

Молоком, которое брала Эмилия у Аграфены Ивановны, она осторожно отпаивала Альбину, наполовину разводила — иссушенный желудок плохо принимал цельное. Альбина то и дело прикладывала младенца к груди, но молока почти не было. На третий день, к радости всей семьи, оно пришло, и в большом количестве! Альбина лежала, тощим телом ощущая острые дудки набитого соломой матраца, и ей даже нравилось, что она чувствует это неудобство, что ей не безразлично. Она снова чувствовала вкус еды: варенной в мундире тети-Грушиной картофелины, тушеной капусты, компота из сушеной земляники, — и все запахи дома, и молочный запах младенца, которого она кормила грудью. Он лежал рядом, завернутый в клочок старого ситца, сын, которого, как ни противились родители, она назвала Василием.

Поросенки, поросенки

Председатель колхоза Андрей Каспарыч сидел в колхозной конторе, в комнате с железной печкой в углу, которая трещала растопленным сушняком. Начало октября, а дом за ночь остывает, углы отсыревают, как зимой.

Перед ним стояла девушка, смиренно опустив голову.

«Вот тебе и дойче фрейлин, — сказал себе Андрей Каспарыч, — всем образом Аленушка из русской сказки».

— Как зовут? — строго спросил он, недовольно глядя в бумажку, которую она подала ему. Тут не по-нашему накалякано.

— Это мои метрики. Из дома еще, с Поволжья, — сказала она. — Меня Альбина зовут.

Андрей Каспарыч поднял голову и вновь поразился: ну ангел, чистый да невинный! А у самой ребенок.

Он опустил глаза и в раздумье посидел несколько минут.

— Ну вот что, Алена, — то ли не расслышав, то ли не желая произносить чуждое ему имя, сказал председатель, — не думай, что тут ты на курорте будешь. Пойдешь у меня на дальний свиарник работать.

Альвина послушно кивнула.

— И чтобы свиньи мои чистыми ходили. В клетушках чтобы чистота сверкала и всегда свежая солома. А опорос пойдет, попробуй мне хоть одного новорожденного потеряй! Я тебя не на лесоповал, на рудник отправлю.

— Я умею... — с готовностью сказала Альбина, — у нас в деревне тоже поросенки были.

— Поросенки-поросенки... — повторил Андрей Каспарыч. — В обчем, Алена, завтра с утра выходи. Напарница твоя, Варвара Маленкова, все покажет, все расскажет.

² Молоко (нем.).

В километре от амбара, приютившего семью Роот — он стоял на окраине деревни, — начинался обширный выгон, на котором паслись до самой осени колхозные коровы. За выгоном — большие денники, куда летом коров загоняли на ночь, а еще дальше — колхозный свинарник. Альбина подошла к распахнутым, обреченно повисшим на ослабших петлях воротам. Подгнившие венцы, голые стропила, торчащие из-под худой кровли, заткнутые паклей дыры в стенах показывали, до какой нищеты дошел колхоз, как беден он техникой, инструментом и мужскими руками.

Она вошла внутрь. После уличного света глаза мало что различали. Слышались визг и хрюканье, но поросят не было видно, казалось, это сам полумрак фермы визжал и не-терпеливо хрюкал. Но вот она увидела клетки, в которых лежали, стояли, возмущенно задрав головы, или беспокойно бегали туда-сюда худые оголтелые поросята.

«Голодные», — подумала Альбина, и желудок ее ощутил ту резко тянущую, настойчивую, навязчивую боль, которую она теперь часто ощущала.

— Голодные, — услышала она за спиной, — оглянулась и увидела молодую женщину. На ней были вылинявший мужской плащ с подвернутыми рукавами и литые резиновые сапоги, какие носили тут в грязную пору все, у кого они имелись. Из-под теплой шали видны были разделенные на прямой ряд гладкие каштановые волосы.

— Варя?

На худом желтоватом лице Варвары — осуждение, почти гнев.

— Ты че это в одной кохте? А ну как грудь остудишь? Ты ж кормящая!

— Она шерстяная. Нету у меня пальто.

Варя сняла шаль, под которой был у нее цветастый тонкошерстяной платок.

— На, шалью подвяжись. Андрей Каспарыч, — она лукаво улыбнулась, и кончик небольшого носа смешно взлетел вверх, — велел за тобой приглядывать. Сказал, дюже смиренная ты.

— Я буду хорошо работать...

— Тяжело тут одной, Алена, все кишки я надорвала, — пожаловалась Варя. — Кормачей нет, все сама. И денно и ночью около этих... — она указала рукой в сторону клетей. — А то хоть сменять друг друга будем.

Поросятчий визг нарастал, делался злей и пронзительней.

— Ну, ну! Развизжались, — прикрикнула Варвара, подходя к бунтарям поближе, — сейчас нажретесь.

И поросята на минуту притихли, явно понимая слова своей грозной опекунши.

— Вон у меня вилы, лопатка, метла, голик тоже, — показала Варя, проходя к небольшому чуланчику у выхода. В третьей клетки сильно грязно. Почисти, Ален. У меня уже руки лопату не держат.

Альбина торопливо взяла лопату и шагнула в клеть. Земляной пол хлюпал вязкой грязью, смешанной с соломой, мочой и свиным навозом.

«Не труднее, чем деревья на морозе весь день пилить, — подумала она. — Какой хороший человек Варя!»

Так Альбина стала свинаркой. Сестры, мать, все, кто мог, оставались дома по очереди с Васяткой, пока она была на работе. Но случалось, что работа в колхозе забирала всех, и тогда Альбина, завернув одеяло Васятку, брала его с собой на ферму. Свинарник они с Варей старались подтапливать. Альбина клала спящего сына на солому в пустую клеть, куда обыкновенно отделяли новорожденных поросят, убиралась, чистила, мела, а там подходило время корма. Она старательно ухаживала за поросятами, особенно за малышами. Хлопот с ними было много, но Альбина страсть как любила их. Беленькие с только появившейся мягкой еще щетинкой, лежали они у нее на чистой соломе. Прибрав, вычистив и покормив питомцев, она гладила их, почесывала спинки, разго-

варивала, а они тянули к ней младенческие пяточки. Управившись, с работой, падала на солому рядом с Васяткой и лежала так, кормила его грудью. Альбина теперь часто думала об отце ребенка, как отдавал он ей последнее, какой необычной любовью ее любил. Новым, раскрывшимся телом, смягчившейся душой она почувствовала, поняла, что он ее мужчина и ее муж навсегда. Как-то Варвара застала ее вот так лежащей с Васяткой на соломе.

— Да у нас тут молочный поросенок! — пошутила она, заходя к ним в клеть и плюхаясь на солому.

Альбина оторвала уснувшего Васятку от груди. Он спал.

— Спит себе, князем на перине. — Варвара с удивлением смотрела на младенца. — Счастливая ты, Алена, у тебя сын есть.

— Ты, Варя, нашла кому позавидовать. Только и слышу: «ребенка нагуляла», «фашистская шлюха», «лагерница».

— Да ты их не слушай, это они красоте твоей завидуют да от жизни собачьей обозлились. Андрей Каспарыч тебя любит и в пример всем ставит.

Варя, улыбаясь, смотрела на Васятку.

— А я бы родила. Да от кого? Один Сладкий Семушка внимание проявляет.

Сладкий Семушка, пожилой вдовец, лет пять назад приехавший в их деревню, прозвище получил за необычайно сладкую улыбку, какой в деревне ни один мужик на своем лице отродясь не держал, а еще за особую обходительность с женским полом. К каждой женщине, с которой Семушка заговаривал, обращался он со словами «Сладкая ты моя!», как бы намекая на особые отношения, и поглядывал кокетливо, а между тем был безобиден, как младенец.

— Я сегодня иду, а навстречу он, Семушка, — рассказывала Варя, — И говорит: «Целую твои сахарные губки, Варюшка, сладкая моя».

А я отвечаю:

— Падает во мне сахар, Семушка, от одинокой жизни. Подбавил бы мне сладости. Влил граммов сто сиропчика. А он покраснел как рак, руки в ноги, и бежать!

Варя озорно глянула на Альбину, и обе они, представив убегающего Семушку, с хохотом повалились на солому. Вволю нахохотавшись, Варя сказала:

— Ну считай, я приняла у тебя смену. Бегите уж с Васильком домой.

— Варя, я думаю, что у тебя еще будет муж.

— Ох. Алена. Ты ж знаешь, я со старшей сестрой проживаю. Родителей наших давно еще, я тогда маленькой была, раскулачили, нас тетка забрала. А потом она умерла, мы одни жили, двенадцатилетняя сестренка меня растила, от голода спасла. Она мне и мать, и сестра.

И Альбина, никогда не делившаяся своими мыслями и терзаниями ни с кем, даже с матерью, вдруг все рассказала Варя о Василе.

— Зачем, зачем я ему соврала? Как он теперь найдет нас? Я, Варя, все боялась ему писать, а теперь напишу. В Соликамск, в Пермь напишу. Там он еще, или куда перевели?

Варя придвинулась к ней и прошептала:

— Алена, не пиши. Не буди лихо, пока оно тихо. Найдут да и заберут тебя опять!

* * *

Андрей Каспарыч ехал на своей бричке к дальнему свинарнику, зная, что сейчас там дежурит Алена. Уже не молод он был и замучен заботами, чтобы чувствовать плотский интерес к юной девушке, но что греха таить, душа встрепенулась, когда увидел он такую смиренную и чистую красоту.

Андрей Каспарыч, человек открытый и простой, не скрывал свою симпатию к Алене. Не было в их отношениях ничего, что надо было скрывать. Два года минуло, как пришла она к нему в контору, и он видит теперь, что правильно все решил. Алена старательная работница. Они с Варварой молодцы. Теперь по мясу у него план всегда выполняется, сдает, сколько требуют. Он знал, что их свинина идет на тушенку для фронта. Андрей Каспарыч был обеспокоен тем, что неделю назад целый десяток поросят занемог. Лежат в клетки, как подстреленные, на еду даже не смотрят. А у двух еще и задние ноги онемели, обездвижили. И что с ними — непонятно. Дохнуть начнут, и как тогда план?

Подъехав к ферме, он наскоро привязал лошадь к столбу ворот и вошел внутрь. Альбина уже шла ему навстречу.

— Ну что тут у вас? Как больные?

Андрей Каспарыч живо прошел вперед, к поросячьим клетям.

— А нетути больных! — ответила она, идя позади председателя.

— Это как нетути?

— А вот как! Мы с Варей догадались, что с ними. Им света не было и воздуха мало, витаминоз у них начался, вот и захворали. Я стала выгонять их на улицу, Варя сначала боялась, а потом тоже стала выгонять. А обезноживших мы на руках выносили...

— Прохладно на улке! Они и так хворые...

— Они здоровые, Андрей Каспарыч. Сами посмотрите! Вон они во второй клетки.

Андрей Каспарыч глянул на поросят. Они суетились, оживленно топтались и бегали, переговаривались — визгливо или с бравым хриплым хрюканьем толкали друг друга в бока, победно задирали рыльца. По их интересу к жизни видно было, что они здоровы.

— Ох, гора с плеч, с души камень! — улыбаясь и прижимая к сердцу руку, сказал председатель. — Несознательные у нас свиньи, Алена. Не понимают, что война. Мы, значит, можем голодать и без витаминов жить, а они нет!

Растроганный, он приобнял Алену.

— А тебе спасибо. Ну ты доглядывай, поехал я. Варьке передай: пусть она завтра утром ко мне в контору зайдет.

Скоро пришла Варя.

— Андрей Каспарыч был! — сообщила подруге Альбина. — Велел тебе завтра утром к нему прийти.

— Чего это?

— Орден за спасение поросят тебе даст.

— Лучше бы мешочек муки дал, — вздохнула Варвара, — ни горсти не осталось.

— Нет! Муку нам с Васяткой! Он все олады просит! Ну я побежала, Варя!

Не захотев идти в обход, Альбина пошла через убранное, но невспаханное поле по обмякшей от дождей бурой стерне. За полем начиналась полоска березняка, она вошла в него. Осенние сумерки быстро, как темная беззвучная вода, наполнили рощицу настороженной тьмой. Альбина свернула вправо, на просеку. Вдруг кто-то налетел на нее сзади, сжал шею, пальцами придавил горло. Ахнув, она рванулась плечом и тут же получила удар кулаком в голову, чуть выше виска, и второй почти туда же. Она пошатнулась, выскользнула из выпустивших ее рук, упала навзничь, напоровшись коленом на что-то острое. Нападавший забежал теперь вперед, встал перед ней, подавшись вперед всей коренастой фигурой. Она подняла глаза и узнала его. Это был Сашка, младший, шестнадцатилетний сын Андрея Каспарыча. Он наклонился к ней, крепко схватил за косу:

— Будешь с моим отцом путаться — твоей косой тебя же и удавлю!

Мальчишеский голос был глух и сдавлен, таким он бывает, когда горло сжимают слезы.

— Вот подстилка немецкая, сразу же улеглась, — раздался позади нее другой голос. Она догадалась: это Митяй, друг Сашки. Митяй пнул ее в бедро, потом в бок, под ребра.

— Попробуй только скажи, кто тебя избил! Поняла?

— Хватит, Митяй. Пошли, — сказал Сашка. И, отвернувшись от нее, пошел вперед через просеку. Митяй двинулся за ним. Треск и хруст веток скоро стих. Они ушли. Казалось, с ними ушла и рощица — такая голая одинокая тишина окружила Альбину. Она попробовала подняться, но боль в голове и боку не дала ей тотчас же встать и пойти к Васятке. А идти-то всего ничего: шагов пятьдесят напрямик по просеке и от нее по дороге до амбара столько же.

Она поползла, стараясь переместить большую часть тяжести на руки, так меньше болел бок. Будучи уже на середине пути, зацепилась юбкой за корень, хлипкая материя разодралась, и она ползла, дальше попадая коленями на корни, сучки упавших веток, колючие дудки трав. Отдохнув, попробовала приподняться, хватаясь за гладкий молодой ствол, обнимая его. Медленно пошла, не останавливаясь, пока не вышла из березняка. Дальше была дорога, и она двинулась по ней. По тому, как захлюпала под ногами вода, Альвина поняла, что попала в лужу. Выйдя из нее, присела, пошарила руками и наткнулась на маленькие кучки соломы, это отец носил охапки соломы вчера ночью с поля, а они с сестрами прятали в сарай.

Дом был рядом. Окошки темны, видно, все уже легли.

По стеночке пробралась она за занавеску, в их с Васяткой закуток, где сын спал.

— Wieso kommst du so spät?³ — спросила мать и дальше по-русски: — Я уже хотела отца будить.

— Пришлось Варю помочь, мама.

— Iss mal was⁴.

— Я не хочу, мама, — ответила Альбина ровным спокойным голосом и, стараясь не застонать от боли, не охнуть, легла, закрыла глаза.

Утром Альбина смогла встать и пойти на работу. Болит голова, саднит в боку, больно наклоняться и поворачиваться. Но, слава богу, ни одного синяка!

Она решила, что об избиении не расскажет никому.

* * *

— Победа! Аленка, победа!

В единственном своем праздничном наряде — атласной кремовой кофточке и черной саржевой юбке — на ферму вбежала Варя.

— Как это? Когда? — вскрикнула Альбина.

— Сегодня! Все до конторы бегут! Митинг будет! Сашка с гармошкой пошел. Девки плясать будут!

— Слава богу! Кончилось, кончилось, кончилось... — не двигаясь с места, повторяла Альбина.

— Да айда же! — нетерпеливо крикнула Варя, устремляясь к выходу.

Альвина побежала за ней и вдруг резко остановилась.

— Я не пойду.

— Ты чево это?

³ Ты почему так поздно? (нем.).

⁴ Ты хоть поешь (нем.).

— Мне идти не в чем, — стыдливым шепотом призналась Альбина. — У меня дома другой юбки нет. А эта... — Альбина никак не могла подобрать слово, — я намокла, — краснея, сказала она.

Варя понимающе зашла ей за спину: сзади на серой материи юбки — пятно крови.

— Я б тебе дала, не пожалела, дак ведь нет ничего, — вздохнула она. — А вот что! Жди меня. Я шас приду! — крикнула она, убегая куда-то.

Скоро Варя вернулась к Альбине с баночкой мазута, из которой торчала тонкая деревянная палочка.

— Не переживай! Я пятно мазутом замажу.

Концом палочки она положила мазут на запятнанную ткань. Темный густой цвет укрыв постыдное пятно.

— Ну вот и все! — Варя засмеялась. — Я, когда на бригаде работала, только и спасалась мазутом. У меня временные — это беда: льет, просто льет, а спастись нечем, ничего ж нет, ни ваты, ни марли, ни одной лишней тряпки в доме, так за войну издержались. А кругом мужики работают. Стыдоба. Я возьму, потихоньку запачканное место мазутом замажу.

— Не пойду я, Варя, — угрюмо сказала Альбина.

— Победу встречать не пойдешь? Из-за юбки?! А ну-ка айда!

Варвара схватила подругу за руку, потянула за собой. И та, не в силах сопротивляться, побежала вместе с Варей встречать победу.

Альбине казалось, что теперь, с победой, сразу все изменится. Мужчины вернутся с войны, деревня заживет по-другому, не надо будет все, что производилось с таким трудом, отдавать фронту. И трудармию распустят, и Василя, по ошибке арестованного, выпустят.

«Василь! Найдет ли он нас? — с тоской думала она. — А вдруг его уже нет? В живых нет?»

Закозыряет!

На третий год работы Альбины на ферме Андрей Каспарович за старания и умелое обращение с поросятами разрешил ей с Васяткой перейти на житье в дом, который до войны занимал агроном, человек приезжий, ушедший на фронт в 1943 году.

— Отделяться тебе пора, Алена. Домик пустует, маленький, но хороший, Лесхоз хорошего леса давал на дом этот. Немножко подремонтируете за лето — и заходи, живи.

Дом агронома стоял в конце одной из приречных улиц-однорядок. Прямо через дорогу — луг, сейчас, ранней весной, на нем уже паслись пара коней и привязанные за колышки телята, а дальше — река, полная сильной вешней воды после недавнего половодья.

Родители помогли ей с переездом. Отец наладил сильно дымившую печь, укрепил расшатавшиеся половицы в прихожей. Альбина с матерью на два раза побелили стены, и летом они с Васяткой перешли на отдельное житье.

Еще когда сыну исполнился год и она отняла его от груди, отец в соседней деревне купил корову, должно быть, душу он за нее продал, — говорила мать. Когда Альбина отделилась, родители дали ей телку. Теперь Зорька стала крепкой, доброй коровой. Большую часть молока Альбина сдавала в колхоз, но всего у нее понемножку было: и молоко, и творог, и даже сметана для Васятки.

Шел к концу сорок шестой год. Все еще не хватало хлеба, но теперь хватало семян картошки, сажали много и ею питались вволю. Голод понемножку отступал.

Зорька и впрямь была как заря: розово-рыжая гладкая шерсть ее поблескивала, а на лбу белело яркое пятно — неровные шерстяные пряди делали его похожими на

лучистую звездочку. Крепкой, доброй коровой была Зорька. Но вдруг в эту осень что-то с ней сделалось. Опали зоревые бока, жалобно смотрели воспаленные глаза. Пугливой и нервной стала Зорька. Последние дни сильно похолодало, но пастух еще выгонял членское стадо на пастбище. И когда вечером Альбина встречала Зорьку и загоняла ее в пригон, та упиралась, тормозила задними копытами и чуть ли на дыбы не вставала, как упрямая кобыла. Альбина, плача, уговаривала Зорьку, и корова в конце концов понуро шла в стойло.

Как-то утром Альбина вошла с подойником в пригон и обмерла. По потной спине Зорьки носилась, как заведенная, ласка. Зорькина спина, мокрая от пота, тряслась от невыносимой щекотки, ходила ходуном, в страхе она пыталась сбросить ее, но ласка только еще больше раззадоривалась, прибавляла бегу.

— Ах ты, гадина! — вне себя от гнева Альбина швырнула в нее подойником. Ласка стремительным бурым клубочком скатилась по боку коровы и исчезла на полу, в ворохе соломы. Альбина вбежала в стойло.

— Зорька! Бедная моя!

Она припала к корове и увидела, как на ее глазах шерсть вспотевшей Зорьки покрылась инеем.

— Изведет она тебя. К смерти, окаянная, гонит! — заплакала хозяйка.

Кое-как выжала из сосков коровы немного молока, оставила полупустой подойник и побежала к матери.

— А я-то думаю, чего Зорька непослушная такая, — рассказывала она матери, — И молоко давать перестала. То подойника не хватало, второе ведро подставляла, а теперь по капле выуживаю.

— Это, Альхен, старый козел в пригон надо, — решительно сказала мать. Ей было сильно жалко корову, она помнила, как росла у них Зорька телочкой, справная да красивая. — Козла, Альхен, надо, старый, с душком. Вонь его ласка — фу-фу! — на вдох не переносит.

— На дух, мама. Старого? Да я не знаю, у кого он есть, — растерянно сказала Альбина. — У нас коз никто не держит.

— Семушка держать! Сладкий Семушка анбиттен, — сказала Эмилия.

— Так я побегу к нему, пока Васятка спит.

Альбина, не заворачивая домой, побежала к Семушке. Он жил далеко, на Кукуе, так называлось в деревне место, где дома стояли на перешейке между рукавом реки и самой рекой. В разлив вода подходила под самые избы, и кукуйцы куковали на своем островке, пока вода не сходила. Дом Семушки стоял на обрывистом берегу, над самой водой. Семушка служил почтальоном, привозил почту из района и разносил по домам, порой выезжая совсем рано. К счастью, Альбина застала его дома, он возился у печи.

— Здравствуй, Семен Иванович, — взволнованно поздоровалась Альбина. — Не дашь ли старого козла? Зорьку мою ласка истерзала.

Семушка оторвался от печи и ласковыми шажками пошел к ней:

— Козла дам, сладкая моя...

— Так я бы прямо сейчас и взяла.

— Оплатить, Аленушка, положено. Натурой. За использование личного скота, так сказать.

Он, сладко зажмурившись, улыбнулся. Сахар, голимый сахар таял и расплывался по лицу Семушки.

— Натурой? — переспросила Альбина.

Из двери, резко распахнутой, послышался голос Эмилии. Она решила помочь дочери отогнать козла в сарай к Зорьке и пришла следом за ней.

— Ах ду...⁵ Да ты сам цигенбак!⁶ Я тебе дать натуру!

Высокая, костлявая, с лицом темным и изрытым, как земля, на которой трудились теперь за трудодни все колхозники, Миля страшно надвигалась на Семушку.

— Тебя вместо козел вонючий поставить, ласку отгонять.

Она скомандовала дочери:

— Комм, Альхен! Пускай он со своим козлом...

Тут она отпустила грубое, непотребное выражение, не чувствуя на чужом языке всей его скверности и мерзости.

— Ты меня половым глаголом оскорблять! — возмутился Семушка.

Эмилия своим орлиным взором как раз заметила сковородник, торчавший из подшестка, и схватив его, пошла на Сладкого Семушку.

— За что? — вскричал Семушка, на всякий случай отступая к горнице, имевшей свою дверь с замочком. — Я за своего козла имею право натуральный продукт просить? А теперь кукиш вам с маслом. Не дам козла! Подойдите только к нему, я ему скажу, он вас вусмерть закозыряет!

— Сакасыряд... — презрительно передразнила Миля Семушку, кидая сковородник ему под ноги и уводя дочь.

С козлом ничего не вышло, а ласка по-прежнему терзала Зорьку. И Альбине пришла в голову мысль: пробраться незаметно к Семушке в сарай, состричь с козла пару вонючих клоков шерсти и повесить их над коровьим стойлом. Ласка убоится и пропадет. В тот же вечер, уложив Васятку, она накинула фуфайку, обулась в галоши и отправилась на Кукуй. Тревожно было на душе, и не хотелось по осенней темноте идти туда, но она могла потерять Зорьку! Подойдя к избе Семушки со стороны огородов, Альбина пробралась к сараю. Тишина. Ни звука. Семушка не держал собаки, но Альбина знала, что у соседа его, Алексея Цаплина, был маленький песик Бобик. Слава богу, он молчал. Альбина отворила дверь, вошла в сарай, осветила фонариком. У стены слева за дощатой перегородкой стояли две кадushки, накрытые мешковиной, несколько корзин и деревянная ступа, вырезанная из толстого чурбана.

— Большая до чего! — удивилась она, Семушка, что ли, в ней летает или сама Баба Яга, про какую она Васильку рассказывает.

Она пошла, осветила фонарем клеть, где стояли козы. В клетки тесной толпой стояли козы, а посреди — старый козел, массивный фигурой, косматый, с круто загнутыми рогами. «Закозыряет, — прошептала Альбина, — бок пропорет и не охнет!» И пошла к нему. Она вынула из кармана ножницы, отрезала со спины клочок, решив срезать еще один сбоку, наклонилась пониже. Козел опасно шевельнулся, сделал шаг вперед и вдруг громко, тревожно затрубил, издавая звук, похожий на мычание быка и крик оленя одновременно. Козы робко и жалобно заблеяли. Рука Альбины вздрогнула, но клочок срезала. Она сунула его вместе с ножницами в карман и, погасив фонарь, на ощупь пробралась к выходу. Двор был темен. Альбина наугад пошла по нему. Она услышала, как хлопнула избяная дверь, и от страха подпрыгнула на месте, потом присела и почему-то так, в полуприсяде, гусиным шагом пошла вперед.

— Кто тут? — раздался негромкий спокойный голос. Слышно было, как кто-то неторопливо сходил с крыльца, и чуть привыкшие к темноте глаза увидели мужскую фигуру, которая двинулась ей навстречу. Альбина вместо того, чтобы затаиться, выпрямилась, кинулась вперед, запнулась и упала на что-то, сильно ударив руку в локте. Догадалась, что это поилка, устроенная для куриц из половинки мотоциклетной шины. Она уткнулась лицом в шину и замерла. Но тут же сильные мужские руки легко и осторожно подняли ее.

⁵ Ах ты (нем.).

⁶ Козел (нем.).

— Надеюсь, не ударились? Кто вы?

Поддерживающие Альбину руки отпустили ее на волю.

— Вы к Семену Акимычу пришли?

Альбина с тревогой прислушивалась к голосу человека, явно незнакомого ей. Нездешний. Приезжий человек.

— Альбина Александровна я, — пролепетала она. — Я к козлу пришла. За шерстью. Я всего два клокота отрезала.

— Очень приятно, Аля. А я Виктор Аркадьевич, племянник Семена Акимыча.

Альбина стояла перед Виктором Аркадьевичем, держа руки по швам.

— Навестить его приехал, — продолжал Виктор Аркадьевич, направляя Альбину к калитке. — Я военный. На границе служу. Для чего же вам, Аля, козлиная шерсть нужна? Да еще всего пара клочков?

— Ласка корову замучила. Я просила всего козла, да Семушка не дал.

Альбина вынула из кармана плотные, скатанные клочки козлиной шерсти.

— Вот, возьмите.

— Нет уж, оставьте себе эти кудели! Аля, я вас провожу.

Он открыл калитку и пропустил Альбину вперед. Пристально вглядываясь в ночную гостью, видел лишь ее фигуру: высокую, весьма стройную. Он пошел с ней рядом.

— У меня Васятка дома один, — виновато сказала Альбина, прибавляя шагу.

Виктор шел позади. Когда она свернула в проулок, он повернул за ней. Минут десять шли они так, потом новый поворот на небольшую улицу-однорядку. Виктор следовал за едва различимой фигурой. Он услышал легкий стук калитки и тихий затаенный голос:

— До свидания, Виктор Аркадьевич!

Он рассмеялся.

— До свидания, Аля! Приходите к нам еще!

* * *

На следующий день Виктор Аркадьевич добыл всю нужную информацию об Альбине у Семена Акимыча и, отчасти из скуки, отчасти из любопытства, встретил ее, когда она шла с работы.

— Здравствуйте, Аля, дорогая!

Он весело пошел ей навстречу и с ироничным восхищением подумал: «Вот это да! Итальянская мадонна в колхозе „Путь Ильича“!»

— Так что противная ласка? Оставила вас? — участливо спросил он, по военной привычке оправляя шинель, что вовсе не требовалось. Форма на подтянутой сухощавой фигуре сидела как надо.

— От козлиной шерсти враз и пропала, — ответила Альбина.

Ей было стыдно за свой разбойничий набег на козла и то, как поймал ее племянник Семушки, военный человек, пограничник!

— Семен Акимыч рассказал мне, как ваша матушка неправильно поняла его, — кокетливо улыбаясь и беря Альбину под руку, сказал Виктор Аркадьевич. — «Я, говорит, у Аленки натуральный продукт попросил за козла, а она что подумала? Я разве про то? Я, к примеру, про маслице или про молочко от Зорьки намекал. Ежели козел мой поможет».

Альбина смущенно молчала. Ей было страшно идти по руку с военным человеком, наверное, важным начальником там, на границе.

— Аля, я вас с Васяткой в кино приглашаю. Приходите вечером в клуб!

Сошуренные глаза Виктора Аркадьевича не выдержали — брызнули смехом.

— Видите? Я перехожу в войне за козла на вашу сторону!

Добрый он человек, решила Альбина, и не опасный. И она, осторожно высвободив руку, пообещала:

— Мы придем. Васятка кино любит.

Пограничник в свинарнике

Виктор Аркадьевич был в некотором смятении. Его неодолимо тянуло к этой девушке, к Але. Неодолимо. Прошло восемь дней отпуска. Дважды приглашал он Альбину с Васяткой в кино. Каждый день встречал, когда она шла с работы. Презируя выглядывающих из окон Алиных соседей, несколько раз без приглашения сам приходил к ней домой. Она мягко, но как-то отстраненно принимала его, все хлопотала по хозяйству, а он в основном играл и беседовал с Васяткой.

«Как дурак выгляжу — ну и пускай! — думал он. — Она чудо, редкая женщина!»

Отпуск подходил к концу, и Виктор Аркадьевич не понимал, что ему делать. В последний день Семен Акимыч хотел устроить что-то вроде прощальных посиделок, но Виктор Аркадьевич молча ушел из дома — и вот ноги сами ведут его к дому Али.

— Здравия желаю, будущий солдат Советской армии! — браво поздоровался Виктор Аркадьевич, толкнув избушную дверь и увидев Васятку в валенках, в вязаном свитерке, сидящего на самодельном детском стульчике с книжкой в руках.

— Книжку читаешь?

— Не... я читать ишо не умею.

— Ты один, что ли?

— Мамка на фелме. А я бабушку Милю жду.

— Василий, а пойдем к мамке? Поможем ей.

— Айда! Только мне облачиться надеть.

— Не надеть, а надо, — поправил его Виктор Аркадьевич. — Облачайся!

Он достал с вешалки Васяткино пальтишко и подал ему.

Васятка вынул из рукава овчинную шапку, оделся, и они вышли из избы.

— Я тебя сейчас, Василек, на самолете прокачу. — Виктор Аркадьевич подхватил его, посадил к себе на закорки.

— Полетели!

Самолет ревел и набирал скорость.

— Быстлей! — скомандовал Васятка, покрепче обхватывая шею Виктора.

* * *

— Мамка, ты здесь? — крикнул Васятка, когда Виктор Аркадьевич, пригибаясь в дверях, внес его на плечах внутрь.

— Васятка, ты? — услышал Виктор тревожный голос Али и, торопясь, пошел на него. Альбина в косынке, в темном рабочем халате, в длинных резиновых сапогах оставалась изящной и стройной, хотелось сказать, легкокрылой.

— Я на самолете к тебе плимчал! — похвастался Васятка.

— Ну давай, летчик, спускайся на землю.

Виктор снял Васильку с закорок. Огляделся.

— Да у вас уютно, Аля! Куда меня судьба только не заносила, а вот в свинарник первый раз!

Как только Виктор увидел Алю, настроение его мгновенно поднялось.

— Мы с Варей раньше работали в старом свинарнике — там были плохие условия. А в это лето новый выстроили, такой-то светлый, просторный!

Виктор Аркадьевич вслушивался в нежное ровное звучание ее слов.

— У нас Ладушка рожает, — доверительно сказала Аля, — уже троих поросят родила. Мы со вчерашнего поняли, что ей пора, как стала она солому в угол сгребать, гнездо готовить. Васятка, погляди, — торжествующе обратилась она к сыну, — и быстро пошла вперед. Васятка побежал за ней, Виктор Аркадьевич следом.

В широкой клетки на свежей соломе лежали крохотные новорожденные поросята. Виктор Аркадьевич подивился их синюшности и даже фиолетовости. Они рядком лежали на соломенной подстилке, одинаково приподняв острые рыльца с пятачками и задрав вверх ножки.

— Ой, у нее следующий идет! — вскрикнула Аля и кинулась к свиные-роженнице, устроенной на ворохе соломы. Большое одушевленное брюхо Ладушки так опустилось вниз, что лежало рядом с ней.

— Лада, Ладушка, молодец, — одобрительно говорила Аля. — Так, так...

Виктор Аркадьевич с интересом смотрел на происходящее. Поросычий младенец был очень смешным. Аля обрезала пуповину, завернула новорожденного в кусок коленкоровой материи и подняла на руки. Из пеленки выглядывала маленькая мордочка с фиолетовым распухшим пятачком.

— А остальные животные что так визжат? Из сочувствия к разрешающейся от бремени Ладе? — спросил Виктор Аркадьевич.

— Кормить их пора. А я от Ладушки отойти не могу.

— Мамка, давай мы их поколмим? — предложил Васятка.

Визг усиливался.

— Правда? — Альбина взглянула на Виктора Аркадьевича. — Сможете?

— Под чутким руководством Васятки, — развел руками Виктор.

— Пошли. Тачку возьмем, — сказал Васятка, по-хозяйски направляясь в сторону входа в свинарник. Виктор поспешил за ним. Там к стене была подвешена тачка.

— Достанешь? — попросил Васятка.

Виктор осторожно снял ее.

— Давай чаны ставить. Вон они.

Три чана с кормом — отрубями, смешанными со свекольным жмыхом, — стояли тут же на полу.

Виктор поставил чаны на тачку.

— И как, Василек, мамка твоя справляется с такой тяжестью?

— А я на что? — важно сказал Васятка. — Я помогаю. Мы две ходки делаем.

Они отвезли и раздали корм поросятам.

— Садись на тачку, Василек. Прокачу.

Раскрасневшиеся, веселые, вернулись они к Альбине. Она укладывала в клеть последнего новорожденного Лады.

— Все, опорожнилась! — с облегчением сказала Альбина. — Теперь уже скоро сменщица Варя придет.

— Мамка, а можно мне уже дядю Витю папкой звать? — вдруг спросил возбужденный, счастливый Васятка, утыкаясь ей в подол.

— Да что ты пристал? А, Васятка?

Альбина резко и гневно отодвинула его от себя, и Васятка, насупившись, отошел, уткнулся в заборчик поросычьей клетки.

— Не сердись на него, Аля, он же пацан. Ему отца хочется, — мягко сказал Виктор Аркадьевич.

Он близко подошел к ней.

— Аля, делать предложение в свинарнике — это, конечно, свинство, но я спрошу... напрямик спрошу тебя: пойдешь за меня? Поедешь со мной?

Альбина быстро взглянула на него, опустила голову.

— Я под спецкомендатурой, Виктор Аркадьевич. Я и в другую деревню не могу без разрешения пойти.

— Это скоро, очень скоро отменят.

— И трудармии отменят?

— Конечно, — уверенно сказал Виктор. — А где ты...

— В пермских лесах...

— Что тебе пережить пришлось, бедная!

— На фронте небось не легче было.

— Я солдат. А ты была ребенком.

Она едва слышно сказала:

— Я мужа своего жду, Виктор Аркадьевич. Коваленко Василия Николаевича. Отца Васятки.

— Но ведь ты ничего о нем не знаешь?

— Не знаю.

— И ты уже пятый год живешь одна?

— Да.

— И зачем я только встретил тебя, Аля?

Виктор улыбнулся и на мгновение осторожно обнял, прижал ее к себе.

На следующий день он уехал.

Смилуйся!

А жизнь ее шла по-прежнему: сын, работа, мысли о Василе. Альбина не знала, не смогла бы объяснить почему теперь, когда после окончания войны прошло уже почти три года, а от Василя так и нет никакой весточки, она с еще большей силой хотела принадлежать лишь ему, лишь его она смогла бы принять. Она избегала, боялась мужского внимания, даже случайное прикосновение вызывало у нее панику, невыносимую неловкость, желание поскорее убежать, спрятаться. С трепетом находила она в подрастающем сыне смешанные черты ее и Василя, как же это удивительно!

После случая с золотой рыбкой прошло два месяца, но Альбина не могла успокоиться, тоска, какой не испытывала она никогда, напала на нее, ослабляя тело, сокрушая дух. Васятка тоже стал тревожным, вялым и капризным. Вот и сегодня утром: ей надо было бежать на работу, а он не хотел идти к бабушке Миле.

— К ней далеко идти, не хочу. Я останусь тут... — скулил он.

— Тогда пойдешь к Анне Григорьевне!

Она почти насильно одела его.

— Тут рядом. Баба Аня тебе патефон заведет.

Анна Григорьевна с мужем Михаилом Кондратьевичем жили через три дома от них. Васятка до страсти любил слушать пластинки.

Альбина завела сына к соседке.

— Анна Григорьевна, пусть он у вас побудет, — попросила она. — Не хочет к бабушке идти, а я на работу опаздываю.

— Пусть остается, то ли он мне мешает?

Анна Григорьевна, метко прицелившись, подхватила рогачом и потянула из печи огромный чугунок с варевом для поросенка.

— Проходите. Раздевай его, Алена.

Альбина, раздев Васятку, втокнула его из прихожей в кухню.

— Ну я побежала.

Васятка уселся на кухонное окошко, свесив ноги и придерживая пальчиками валенки, которые мать не велела ему не снимать, пол в избе был холодный. Он слушал Вагнера, как называла, сильно ударяя на второй слог, Анна Григорьевна. Пластинка досталась Михаилу Кондратьевичу, как и патефон, в качестве трофея. Осенью сорок пятого года он привез их с фронта. Васятке нравились песни Вагнера. «Это и не песни, а вроде разговор такой песенный, — определил он, — песенный разговор красивше, чем каким мы гитарим».

Анна Григорьевна благодушно и расслабленно возилась на кухне, слушала краем уха Вагнера. Она достала бадейку с рыбой, утренним уловом мужа, вынула из нее льинка и, кинув на разделочную доску, крикнула:

— Васька, я таперича льинка стану чистить. Будешь пузыри лопать?

Васятка поднял голову, вскрикнул и рысенком прыгнув с окошка на спину Анны Григорьевны, завопил:

— Не тложь золотую лыбку! Мы с мамкой ее отпустили, а ты...

— Ты голову-то натрудил, Вагнера без меры слушать!

Анна Григорьевна скинула Васятку со спины, бросила рыбку назад в бадейку и направилась к патефону, стоявшему в простенке меж окон. сердито сняла головку патефона с пластинки, пальцем ткнула в иглу.

— Всю иглу затупил. И слушат, и слушат.

А потрясенный Васятка, склонившись над бадейкой, нашел среди окуньков и ершей золотую рыбку, выхватил и, быстро пройдя к сундуку, упрятал ее в шапку, лежавшую на сундуке. Рыбка вытянулась на дне Васяткиной шапки и замерла, широко раскрыв рот. Кое-как накинув пальтишко, Васятка с шапкой в руках осторожно вышел из избы.

— Ишо обижается! — сказала Анна Григорьевна, отворачиваясь от патефона и возвращаясь к бадейке с рыбой.

— Васька, куды ты девался? Ишь волю взял! Чуть что — сразу убежать. Ну теперь уж Алена с фермы пришла, пусть сама с ним вожджается.

А Васятка упрятал в сенях шапку с притихшей рыбкой за пазуху и, придерживая ее левой рукой у груди, вышел за калитку и устремился по знакомой тропинке к реке. День стоял морозный, но Васятка даже не застегнул пальто. Дойдя до реки, осторожно спустился по наледи ступенек к проруби, вынул рыбку из шапки, присел на корточки и опустил ее, сонную, усталую, в воду. Страшно было Васятке одному в ледяном срубе. Не дожидаясь, когда рыбка уплывет, он надел шапку, выбрался наружу и пошел домой.

Войдя в свой двор, он заметил, какой большой, до самой крыши, сугроб нанесло на торец сарая. Барахтаясь и проваливаясь в снег, Васятка все же поднялся по нему на крышу и с гордостью глянул вниз. Вот какой он ловкий да храбрый! На крышу не побоялся забраться! Крыша сарая в заснеженных кучах соломы нравилась Васятке. Он резво побежал по снежно-соломенным холмикам, добежал до края, развернулся, вприпрыжку помчался назад, и вдруг ноги лишились опоры, зависли на мгновение в пустоте, и он, провалившись сквозь невидимую под соломой дыру, рухнул в сарай. Шапка, отлетев в сторону, упала на куриный насест, а сам он прямо в стойло, к ногам Зорьки.

Корова вздрогнула, сонная поволока спала с ее очей. Она узнала Васятку и осторожно потянула к нему голову. «Зорька, золотая рыбка...» — пролепетал Васятка, видя перед собой родную морду коровы, и закрыл глаза. От переживаний, беготни по морозу и внезапного падения он отключился и провалился — теперь уже в мгновенный сон. Зорька придвинулась ближе, тронула губами спящее лицо дитяти и глубоко за-

дышала. Клубы пара поднимались над скрюченной, неподвижной фигуркой Васятки. Потом Зорька рогами, как вилами, подхватила из кормушки остатки соломы и сбросила ее Васятке под бок.

* * *

Альбина едва шла домой. Последние дни она прихварывала, все в ней ныло и болело, то не шли ноги, то вдруг начинала болеть и кружиться голова. Через великую силу ходила она на работу и даже с сыном почти не разговаривала.

«Зайду домой, отдохну чуток, а потом схожу за Васяткой», — решила она, направляясь к своей избе. Странной походкой, покачиваясь, прошла к лежанке. Сняла фуфайку и прямо в шали, в валенках прилегла, закрыла глаза... Зимний лес железно, колюче окружил ее. В ушах — звон, стон и вой пилы. Василь с улыбкой протягивает ей мерзлую горбушку хлеба, но она роняет его и вздрагивает: упавший хлеб падает с невыносимо громким, повторяющимся стуком:

— Тук! Тук! Тук!

Кто-то торопливо и требовательно стучал. Альбина открыла глаза. Где она? И где Василь, только что стоявший около нее? Поняв, что она забылась тонким и коротким сном, Альбина вскочила, устремилась к двери, которая в этот момент распахнулась, и на порог тожественно взшел Сладкий Семушка.

— Вот, Алена, хоть и обидела ты меня, и козла моего незаконно обстригла, и племянника сильно расстроила, а я не сержусь!

Почтальонская сумка, висящая на потертом ремне, придавливала плечо малорослого Семушки.

— Через всю деревню к тебе неся! Письмо тебе, Алена.

Альбина испуганно стояла перед Семушкой.

— А что там, в письме? — растерянно спросила она.

— Гражданка Роот, не забываетесь! Я на государственной службе и закона о секретности личных писем не нарушаю!

«So ein Witzbold»⁷, — подумала Альбина.

Семушка подал ей письмо.

— Почти из Москвы. Тульская область.

Альвина торопливо открыла длинный серый конверт, вынула вдвое сложенный листок. Из него, как из прохудившегося кармашка, выскользнула и упала на пол небольшая фотография. Альбина скорее развернула листок. Она читала, нетерпеливо складывая русские буквы в слоги и слова.

«Дорогие, любимые мои Аля и Василек! Я нашел вас!»

— Нашел — повторила Альбина. Она забыла о Семушке, а он, отступив к порогу, с любопытством смотрел на нее.

«Я долго не мог вас найти, хоть поиски не бросал никогда. Но на днях мне пришло письмо от человека, который сам искал меня. Виктор Аркадьевич Хрусталеv. Он прислал мне адрес и как до вас доехать».

— Вот для чего ты меня встретил, Виктор! — сказала Альбина, растроганно глядя на Семушку. И заплакала.

«А девка совсем ку-ку, — решил Семушка. — собой краля, а умом-то фаля!»

И он тихо удалился.

«Аля, — продолжала читать Альбина, — если ты хочешь, чтобы я приехал, вышли телеграмму. Я живу и работаю в Туле. Обнимаю тебя и сына. Василь».

⁷ Смешной человек (нем.).

— Василек! Васятка! — позвала Альбина. — Ох! Он же у Анны Григорьевны!

Она накинула фуфайку и побежала к соседке.

В избе пахло жареной рыбой. У порога стояла кошачья глиняная миска, полная рыбьих пузырей.

— А Василек где?

— Василек... — повторила Анна Григорьевна, обиженно глянув на Альбину, — колочка в заднице он, а не Василек!

— Где Васятка?

— Домой убежал.

— Как домой? Анна Григорьевна! Его дома нет!

— Дурачок у тебя, Алена, растет, тут и к бабке не ходи! Линя у меня унес. Это, орет, золотая лыбка. Не тлочь ее!

Альбина схватилась за сердце и выбежала из избы.

— Вот заполошенная! Куда он денется, твой Васятка? Еще дверь открытой оставила!

Анна Григорьевна захлопнула дверь с такой досадой, что с косяков полетели кусочки побелки.

Альбина выбежала за калитку. Внимательно оглядела снег и увидела Васяткины следы. «На прорубь побежал, рыбку отпустить», — поняла она и пошла по ним, то четким, то едва видимым. Следы вели к реке. На полпути, как раз у их дома, она заметила, что на эти следы наезжают те же маленькие, Васяткины, но направленные в обратную сторону. Она развернулась и пошла по ним. Следы вели в сторону их дома. Вот он вошел во двор. На твердом утоптанном насте двора следов не было видно.

— Где же он?

— Вася, Васятка!

Альбина кинулась в сени. Не закрывая дверь, осмотрела каждый уголок, заглянула даже в ларь с мукой. В сенях нет. Зашла домой. Стараясь взять себя в руки, оглядела избу, заглянула на печь, в сундук, под кровать, даже в устье печи. Решила:

— К Зайцевым пошел!

Выбежав из избы, направилась к соседям, но подойдя к изгороди, увидела на соседском дворе обоих Зайцевых мальчишек.

— Сашка, вы Васятку не видели? — крикнула Альбина.

— Не-а, — ответил Сашка, на бегу придерживая рукой новую и большую заячью шапку.

— Мы с ним не водимся. Он дъачун, — крикнул младший Толик, косолапо догоняя брата.

— Вася! Василек! — она закричала так, что Сашка и Толик остановились, а потом в испуге кинулись на свое крыльцо и скрылись в сенях.

Голова ее стала кружиться, закружился и на мгновение исчез двор, и из этой пустой кружащейся замяти услышала она Зорьку. Корова звала ее к себе долгим требовательным мычанием. Альбина кинулась к сараю, вбежала в него, оставив дверь настежь открытой. Здесь глазам было темно, но от пролившегося в дверь дневного света тьма стала легкой, просвечивающейся, а потом и вовсе рассыпалась, словно охапка соломы. Альбина кинулась к стойлу и, еще даже не увидев, поняла, почувствовала, что Васятка там, открыла воротца. Он лежал у ног Зорьки. Она вбежала в стойло. Корова, увидев хозяйку, низко наклонила голову и теплым паром дохнула на Васятку.

«Согревала его...» — благодарно подумала Альбина.

— Зорюшка, спасибо, родная моя!

Она взяла сына на руки. Васятка повернулся, уткнулся лицом ей в плечо и продолжал спать. Она тихо понесла его в избу.

* * *

Деревня, укутанная по самые окна в пуховый плат метельного февраля, казалась дремлющей, но все видела, глядя через редкие просветы зарисованных морозом окон и не престаивала спрашивать:

— Куда это Алена с Васяткой так поспешают?

Две устремленные вперед темные фигурки, женская и детская, преодолевая снег, быстро шли по дороге. Женская держала за руку детскую, повязанную поверх шапки большим платком.

— Скорее, мамка, че ты тянешься? — сказал Васятка, выпрастывая руку и опережая ее.

— Да я и так быстро...

Они свернули со своей улицы на укатанную санями дорогу, ведущую к центру деревни. Тут идти стало легче.

— Мамка, сними с меня платок, мне жарко!

Альбина остановилась, развязала платок, снова взяла Васятку за руку, и они продолжили путь. Шел пятый час, уже упряталось солнце, зимний вечер подсинил сугробы по сторонам дороги. Альбина с Васяткой очень торопились. Сзади послышались знакомое фыркание лошади и ритмичное постукивание возка председателя, который скоро поравнялся с ними.

— Ядрена вошь, ты куда ползешь? — крикнул Андрей Каспарыч.

— На почту поспешаем, Каспалыч! Телегламму папке давать! — звонко, с удовольствием ответил ему Васятка.

— Ишь ты! Софья, стой! — приказал он лошади. — Нашли, значит?

Альбина с Васяткой тоже остановились, потеснились на обочину. Председатель взглянул на Алену. Лицо у нее было белым, как у Снегурки, светлые, заснеженные глаза глядели куда-то вверх, ровно Андрей Каспарыч с неба ей вопрос задавал.

— Кажись, нашли, Андрей Каспарыч.

— Замерзла, — сказал председатель. — Садитесь. Подвезу.

Васятка живо забрался в возок, сел впереди рядом с Андреем Каспарычем.

Альбина, стесняясь, присела на заднюю скамеечку.

— Обрадовались! Что ж? Поедете теперя к нему?

— Сюда Василя звать буду. Можно ему к нам в деревню?

— А почему ж нельзя? У нас работников, сама видишь: раз-два, и обчелся. Война забрала и не вернула.

— Василь много чего умеет. В лагере научился. Ну... для заключенных...

— Знаю, что не в пионерском.

Он передал Васятке вожжи.

— Правь, Василий.

— Но, Софья, поехали! — приказал Васятка и хлестнул лошадь вожжами.

— Закладывай санки да поезжай в жданки... — раздумчиво произнес Андрей Каспарыч. — А вы вот дождались, мои хорошие!